

УДК 94(470):321.64

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИИ СССР¹

А.А. Фокин

Челябинский государственный университет, 454084, г. Челябинск, просп. Победы, 162в, ауд. 204.
aafokin@yandex.ru

Предлагается новый интерпретационный подход к истории СССР через использование идеи публичной политики. В ходе анализа разных концепций публичной политики сравниваются теоретические построения с практикой советской системы. Высказывается мысль не о противопоставлении власти и населения в советский период, а об их взаимовыгодном сотрудничестве. Элементы публичной политики в советской системе могут рассматриваться как вариант мобилизационных стратегий.

Ключевые слова: СССР, публичная политика, ревизионизм, тоталитаризм, советская система.

Вопрос о характеристике политической системы является одним из принципиальных для понимания истории СССР. Пытаясь разобраться в механизмах принятия решений в кремлевских кабинетах, первое поколение исследователей (1940–1950-е гг.), сопоставив СССР с нацистской Германией, разработало концепцию тоталитаризма. Советский Союз в их работах представал сверхцентрализованным обществом, которое полностью находилось под контролем партийной и государственной верхушки. Решения принимались узкой группой лиц и спускались вниз для исполнения. В дальнейшем произошла ревизия этой точки зрения и сформировался новый подход к истории СССР, при котором основным объектом изучения стала не власть, а население. Сменилась парадигма: вместо политологических начали использовать социологические методы. И советская система предстала крайне неэффективной, вынужденной тратить огромные ресурсы на поддержание собственной стабильности [Меньковский, 2007, с. 20–60; Кун, Литвин, 2009, с. 12–23]. Политическая сфера была в значительной мере хаотична, поскольку принятые наверху решения зачастую на низовом уровне или игнорировались или интерпретировались в удобном ключе. Но и в тоталитарной, и в ревизионистской концепциях власть и общество противопоставлялись друг другу.

Распад СССР стал важным аргументом в пользу верности ревизионистской точки зрения, ибо исходя из тоталитарной модели нельзя было объяснить внутреннее крушение режима, но стремление преодолеть советское прошлое заставляет обращаться отечественных историографов к работам тоталитаристов. В статье предлагается применить к Советскому Союзу концепцию публичной политики, которая относительно недавно разработана в западной политологии и мало используется отечественными исследователями, хотя в последнее время тема публичной политики начинает разрабатываться и в России [Публичная политика в современной России..., 2006; Публичная политика: от теории к практике. 2008; Аналитические сообщества в публичной политике..., 2012].

Обращение к указанной концепции при изучении истории СССР вызвано существованием в советской системе разнообразных институтов публичной власти. Советский Союз провозглашал себя государством подлинной демократии и всячески старался это продемонстрировать. Традиционно проведение выборов или выступление партийных и государственных деятелей трактуется как фарс, призванный обмануть основную массу граждан. На наш взгляд, следует говорить о существовании особого символического поля пересечения интересов власти и населения. То есть «верхи» и «низы» не находились в противостоянии или односторонней коммуникации, а действовали в качестве партнеров. «В широком смысле публичное в противовес частному выступает как сфера реализации присущих любому обществу коммунитарных интересов, то есть интересов общества в целом. Она не исчерпывается коммуникациями граждан и общественной рефлексией, но и трансформируется в практические действия во имя общего блага. В этом качестве она представляет собой «совместную практическую деятельность, направленную на достижение разделяемых всеми целей»» [Gould, 1996, p. 174.].

Существует мнение, что понятие «публичной политики» применению только странам к либеральной демократии. Д. Кумбс прямо заявляет: «При коммунистическом управлении дискурс

публичной политики не мог определять профессиональную деятельность чиновников даже самых высших эшелонов государственной власти, включая министров и глав правительственных учреждений, поскольку роль типичного государственного чиновника в те времена была реактивной и пассивной. Все инструкции приводились в исполнение в строгом соответствии с законом, а обязанности чиновника состояли в строгом следовании букве закона. Даже если было невозможно выполнить требуемое (что обычно и было), действовать “правильно” означало продемонстрировать, что формально сделано все для достижения цели» [Кумбс, 2008, с. 339]. Нам такой взгляд представляется излишне идеологизированным и некорректным. В 1920-е г. российский пролетариат был политически «экспроприрован» (в терминологии М. Вебера) складывающейся номенклатурой, которая присвоила себе право говорить от лица рабочих, тем самым лишив их возможности прямой критики власти. Еще в РСДРП шли дискуссии о том, что «профессиональные революционеры» решают вопросы пролетарской революции, а среди них почти нет рабочих. Но, даже признав этот факт, нельзя говорить о полном исключении основной массы населения из политической жизни.

Существует несколько определений понятия «публичная политика» (Public Policy). Н. Шматко указывает на различное понимание его в англо-саксонской и французской традициях: «Исследования публичной политики в США базируются на понятии “government” и имеют почти исключительно прагматический характер. Изучение публичной политики восходит к ставшему общепринятым различию между policy (политикой как программой действий) и politics (политикой как системой взглядов). Западноевропейская и, в частности, французская традиции анализа публичной политики опираются на анализ государства и его роли в регуляции публичной сферы, рассматривают ее в аспекте становления, а затем кризиса модели “государства всеобщего благоденствия”. Проблема публичной политики рассматривается здесь в аспекте возрастающей неспособности современного государства решать социальные проблемы населения. Государство якобы устраняется от ответственности за решение этих проблем, и перекладывает ее, с одной стороны, на институты “гражданского общества”, а с другой – на “нейтральную” инстанцию – экспертов, выступающих от лица науки» [Шматко].

Говоря о французской традиции необходимо помнить об идее «полицейского государства» и различии между police и politics, на которое указывают левые исследователи (М. Фуко, Ж. Рансьер, и др.). Под police в данном случае понимается технологии наведения порядка, рациональная организация для управления. Тогда государство превращается в агента, который поддерживает порядок, обеспечивающий нормальное функционирование рынка. Реализуется идея «ночного сторожа» из классической либеральной доктрины, суть которой состоит в том, что государство выходит на арену исключительно в форс-мажорной ситуации. При этом происходит деполитизация власти, государство самоустраняется от принятия политических решений. Politics – это сфера публичных дебатов, которые ограничивают излишества управленческой практики. При этом предполагается высокая доля неопределенности и риска поскольку дебаты должны приводить к появлению нового знания и новых форм государственного управления, а не быть формальностью. Politics является исключением из правил политического менеджмента, ибо государству она мешает спокойно управлять, поэтому politics встречается в истории реже, чем власть. Politics сфера которая существует за рамками государства, но государство стремится монополизировать политику и ликвидировать всяческий протест и оппозицию, поскольку боится разрыва существующих шаблонов и создания новой реальности [Макарычев, 2010, с. 43-50].

Исследования в рамках итальянской школы публичной политики, ведутся в Болонском университете под руководством Джилиберто Капано. Ею разрабатывается концепт «драйверов» (drivers), или «движущих факторов», публичной политики, способствующих изменениям. При этом подчеркивается многозначность концепта «публичная политика»: она понимается и как арена борьбы политических акторов за удовлетворение собственных интересов; и как совокупность институтов, формальных правил, процедур и практик взаимодействия политических акторов, их когнитивные схемы и ценности; и как «форумы идей», на которых обсуждаются различные политические решения социальных проблем; и как цель постоянных «атак» и «интервенций» со стороны политических акторов и структур, изменяющих политические институты; и как сети зачастую институционализированных отношений между различными политическими акторами и институтами [Беляева, 2011, с. 77].

Обращаясь к французской (континентальной) традиции, можно вспомнить «большую сдел-

ку» между властью и учеными в СССР. «Профессора, а тем более члены Академии наук, не просто получали жалование и многочисленные привилегии от государства, они чувствовали, что служат своей стране и ее культуре, а сам их тесный симбиоз с государством был выведен за пределы их сознания» [Александров, 2008, с. 630]. Государство и корпорация ученых вступают во взаимовыгодный союз. Идея «большой сделки» предполагает не существование «шарашек», которые часто выступают символом советской науки в рамках тоталитарной модели и в которых государство насильственными методами принуждает людей к работе, а создание символического поля, где все преследуют свои цели. Схожей точки зрения придерживается и Н.Ю. Беляева: «Еще в СССР была значительная академическая интеллектуальная традиция, история развития и становления советских аналитических структур – академических институтов (например, ИМЭМО, ИСК РАН), которые пользовались определённой автономией, были включены в глобальную политику и науку» [Беляева, 2012, с. 26]. Как любому государству, СССР необходимы были эксперты и производители знаний, которые являются одними из основных акторов в поле публичной политики. В связи с этим можно вспомнить «буржуазных специалистов» и «военспецов» в первые годы советской власти: несмотря на их «классовую чуждость», в прагматических целях большевики шли на сотрудничество с ними и руководствовались их мнением. Схожие примеры можно найти и в другие периоды истории СССР. Фактически любое значимое политическое решение вызревало при содействии экспертного сообщества. Представляется, что механизмы взаимодействия власти и экспертов требуют специального исследования.

В англо-саксонской традиции существует несколько иной подход к пониманию публичной политики: она трактуется как одна из форм государственного управления. Так, Д. Килпатрик понимает публичную политику как систему законов, регулирующих мер, финансирования какой-либо темы, одобренной органом власти или его представителем [Kilpatrick]. Он отмечает, что отдельные лица или группы могут влиять на формирование политики, инициируемой государством. При этом публичная политика подразумевает конкуренцию между группами влияния. Схожих взглядов придерживаются большинство других англоговорящих авторов: они воспринимают публичную политику как принятие или не принятие разрешения какой-либо проблемы органами власти [Pal, 1992.; Dunn, 2007.; Kraft, Furlog, 2009].

Как уже отмечалось, такое понимание публичной политики позволяет перенести ее в сферу политического менеджмента и политтехнологий. Но и этот подход может быть продуктивен в рамках исторических исследований. Так, В.К. Симонов, говоря о различии public policy и politics в англо-американской традиции, отмечает, что политика Людовика XIV или Франклина Делано Рузвельта также подпадает под определение public policy [Симонов, 2002, с. 35]. Следовательно, и советский период может быть проанализирован исходя из практического понимания публичной политики.

Конкуренцию между группами влияния можно обнаружить в разное время и на разных уровнях советской системы. Восприятие партийно-государственного аппарата СССР как монолитного вряд ли можно рассматривать всерьёз. Борьба групп могла идти открыто, например в ходе дискуссии о профсоюзах, при обсуждении плана индустриализации, или неформально, какую вела «русская партия» внутри КПСС [Митрохин, 2003]), или локально [Лейбович, 2008]. Теория групп предполагает наличие «доступа» к возможности принятия решений. Если в рамках либеральной демократии этот доступ зачастую приобретает характер лоббирования, формального или неформального, то в СССР предстал в большинстве случаев как система патронажа. И в том и другом случае смена групп влияний приводит к смене политического курса.

Помимо партийно-государственного аппарата, сообщества экспертов и групп влияния в публичной политике участвует еще один важный актор – население. Конечно, любая генерализация приводит к упрощению, и при использовании понятий «советский народ», «советские граждане» упрощается сложная структура общества. Тем не менее в рамках публичной политики можно воспринимать их единого субъекта. В данном контексте следует рассматривать именно взаимовлияние и сотрудничество власти и населения.

Необходимо отметить, что участие населения в управлении государством было важной частью советской доктрины, которая была призвана утвердить принципы подлинной демократии. Уже в 1917 г. В.И. Ленин заявлял о том, что необходимо немедленно привлекать всех рабочих и бедноту к обучению управлению государством [Ленин, Т. 34. с. 315]. В дальнейшем в советских

конституциях устанавливалось положение, являются власть в стране принадлежит именно народу и верховным органом власти были Советы народных депутатов. И.В. Сталин заявлял, что конституция СССР – единственная в мире до конца демократическая конституция, и указывал на существование социалистического демократизма [Сталин, Т. 14, с. 119–147]. Одним из его значимых положений было вынесение наиболее важных вопросов на всенародное обсуждение, в частности, такое обсуждение было организовано во время принятия Конституции СССР в 1936 и 1977 гг. и III Программы КПСС в 1961 г. И это не было фикцией, подобные механизмы позволяли власти и населению вступать в коммуникацию. Э. Кулевин пишет: «Многочисленные свидетельства различных периодов истории Советского государства подтверждают, что партийное руководство уделяло огромное внимание проблеме «обратной связи» с обществом» [Кулевин, 2009, с. 35]. Если в сталинской России режим интересовал прежде всего public display of affection (публичная демонстрация преданности) [Tikhomirov] – организация видимой интимности, создание репрезентаций и ритуалов выражения чувств любви, уважения, счастья в отношениях государства и общества в публичных пространствах без учета индивидуальных чувств и эмоций индивида, то после войны советское общество требует от государства проявления эмпатии к эмоциям и настроениям, потребностям и планам на будущее каждого отдельного гражданина. Характеризуя сталинскую эпоху, О. Хархордин отмечает, что «система была обеспокоена не чувствами граждан, а их публичным поведением» [Хархордин, 2002, с. 361]. И государство переходит к созданию каналов политической коммуникации и ее интенсификации, организации пространств вовлечения индивида в поле сотрудничества в осуществлении власти. Все это способствовало формированию «режима эмпатии», который не табуировал и не отвергал, а принимал и реагировал на индивидуальные чувства, потребности и надежды советского гражданина. Результатом данной политики стал и рост доверия к советскому порядку и общественной стабилизация в хрущевское и брежневское время.

Действительно, с одной стороны, социалистическая демократия имела ряд весьма специфических черт вроде избирательного процесса, в ходе которого выдвигался всего один кандидат от единого блока коммунистов и беспартийных, но, с другой стороны, было множество механизмов и каналов оказывать влияние как на региональную, так и на общесоюзную политику. При этом стоит понимать, что и в странах с либеральной демократией граждане непосредственно не участвуют в принятии решений, а делают это через своих представителей. В СССР даже формируется жанр «писем во власть» и люди учатся «говорить по-большевистски», дабы успешно вступать в коммуникацию с представителями партийного и государственного аппарата.

Процесс коммуникации между «верхами» и «низами» является важной составной частью публичной политики, ведь в русском языке это словосочетание наделяется коннотацией открытости и доступности для широкой публики. В современности возникает даже особый термин «медиа-демократия», который означает, что основа власти заключается в ее репрезентации [Черных, 2010, с. 4]. В XX в., когда технический прогресс способствовал бурному развитию СМИ, в том числе появлению радио и телевидения, именно образ власти становится более значимым, чем сама власть. Метафорично эту мысль выразил В. Пелевин в романе «Generation „П“»: страна управляется не реальными людьми, а специально созданными виртуальными персонажами, которых показывают по телевидению.

Я. Плампер показывает, как в 1930-е гг. сталинский режим работал в сфере саморепрезентации [Плампер, 2010]. Важно было не только разместить в печати фотографию или портрет И.В. Сталина, но и выбрать подходящее к случаю, нужного размера и качества изображение. Представители власти и СМИ понимали, что во многом реакция населения формируется под влиянием публичных репрезентаций политических действий. Я. Плампер приходит к интересному заключению: целенаправленные действия по созданию «культы личности» имели незначительный эффект, но он складывался благодаря цепной реакции, возникающей среди населения. Схожую активность «низов» в формировании официальной доктрины можно обнаружить и в первые годы советской власти, когда проходила мифологизация Октябрьской революции и Гражданской войны [Нарский, 2004, с. 395].

Говоря о роли СМИ в советской публичной политике, необходимо понимать их подчиненный статус. Если в западной демократии как предполагается, СМИ выступают силой, которая противостоит властям в интересах общества, то в СССР СМИ были встроены в систему агитации и пропаганды. Но это не означает, что они были простыми рупорами идеологических догм. На наш

взгляд, гораздо продуктивнее рассматривать их как медиаторы между властью и населением. Некорректно воспринимать функции медиатора как направленные в одну сторону – сверху вниз, в виде механизмов донесения и разъяснения неких теоретических построений основной массе граждан. С помощью медиаторов общество могло влиять на власть, которая с момента установления советской власти искала средства для дополнительной легитимации себя. Сам механизм агитации и пропаганды был далек от совершенства и мало походил на машину по промыванию мозгов. Следует говорить не о монологе, а о диалоге власти с обществом, однако с перевесом в сторону властных структур.

Медиаторы использовали два способа трансляции – явный и скрытый. Первый непосредственно затрагивает актуальную повестку дня. Основная его форма – толкование официального дискурса через ответы на вопросы, интересующие население, и очерчивание круга ожиданий, выстраивание границ, за которые мысли населения не должны выходить. Это объясняет однотипность содержания разных видов медиаторов. Второй способ связан с апеллированием к скрытым областям массового и индивидуального сознания, в первую очередь к мифологической составляющей [Фокин, 2012, с. 78].

Все изложенное позволяет говорить если не о наличии публичной политики в СССР, то о возможности применения ее положений к советскому режиму. Хотя, в силу того, что российские исследователи, скорее всего будут разрабатывать понятие «публичная политика» в рамках англо-американской традиции – как инструментальный подход к государственному управлению, следует говорить о публичной сфере, или открытом политическом поле, дабы не вносить сумбур в интерпретацию термина. В данном случае «публичная политика» как возможная интерпретационная модель советского прошлого, которая в дальнейшем требует подтверждения или опровержения на основании фактического материала.

В связи с этим необходимо сделать отсылку к наследию Ю. Хабермаса, который понятие «публичная сфера», понимая под ней область общественной жизни в которой может сформироваться общественное мнение, выполняющее функцию критики и контроля государственной власти, как правило неформально, за исключением случаев участия в официально назначенных выборах. Часть публичной сферы складывается в процессе каждого разговора, частные лица, участвуя в обсуждении каких-то важных на групповом уровне проблем, тем самым превращаются в публику. Можно сказать и по-другому: граждане (не профессионалы, не бюрократы) становятся публикой, когда имеют дело с вопросами, представляющими общий интерес. По-видимому, в данной ситуации важен сам процесс говорения о вещах, представляющих интерес для других. Если публика многочисленна, то оказываются необходимыми инструменты-посредники. В этой роли, как правило, выступают средства массовой информации [Алексеева, 2005, с. 26].

Несмотря на указанные сложности, важным является сам подход к советской системе как многофакторному явлению. Историки, занимающиеся советским периодом, в основном изучают те явления, которые можно назвать негативными: репрессии, принуждение, войны, неэффективность экономики и т.д. Практически нет работ, посвященных позитивным аспектам советской действительности. В исследованиях, связанных с темами спорта, радости, любви и т.п., акцент делается на использовании советской властью этих явлений в своих интересах. Такой подход позволяет подчеркнуть неизбежность крушения «коммунистического колосса». Противоположностью указанным работам являются различного рода апологетические исследования, которые призваны защитить СССР от лжи и обмана и поведать читателю «подлинную» историю. В этом контексте Советский Союз превращается то ли в священную корову, то ли в покойника, о котором или хорошо, или ничего. И та и другая точка зрения мне представляется излишне тенденциозной. В СССР, как и в других странах, были свои отрицательные и свои положительные стороны, и наличие одних не нивелирует значения других. Советский строй не только использовал насилие и принуждение в своей практике, но и пытался найти способы договориться с массами, в том числе используя механизмы их вовлечения в политический процесс. Это было одной из форм мобилизационной модели.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.» (государственное соглашение № 14.В37.21.0001).

Библиографический список

- Дзялошинский И.* Гражданская коммуникация и публичная политика // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М., 2008.
- Kilpatrick G. D.* Definitions of Public Policy and the Law [Электронный ресурс]. URL: <http://www.musc.edu/vawprevention/policy/definition.shtml> (дата обращения: 01.04.2013)
- Pal A. L.* Public Policy Analysis: an Introduction. Toronto, 1992; *Dunn W.* Public Policy Analysis: An Introduction. New Jersey, 2007.
- Kraft E.M., Furlong S. R.* Public Policy: Politics, Analysis, and Alternatives. Washington, 2009.
- Tikhomirov A.* Trust, Distrust or Forced Trust? Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, unpublished paper, presented at the conference «Trust and Distrust in the Soviet Union»: School of Slavonic and East European Studies. University College London, 17–18 February 2012.
- Александров Д. А.* Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академические сообщества в Германии, 1890–1933. М., 2008.
- Алексеева Т. А.* «Публичное» и «частное»: Где границы «политического»? // Филос. науки. 2005. №3.
- Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики. М., 2012.
- Беляева Н. Ю.* Публичная политика и аналитические сообщества в глобальном мире // Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики. М., 2012.
- Беляева Н. Ю.* Развитие концепта публичной политики: внимание движущим силам и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3.
- Кулевин Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху: Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009.
- Кип Д., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М., 2009.
- Кумбс Д.* Введение в концепцию публичной политики в контексте посткоммунистического транзита // Публичная политика: от теории к практике. СПб., 2008.
- Лейбович О. Л.* В городе М: Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008.
- Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? // Полн. собр. соч. Т. 34
- Макарычев А. С.* Суверенитет, власть и политическая субъективность: две линии критической теории // Полит. экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6, № 4.
- Меньковский В. И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007.
- Митрохин Н. А.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2003.
- Нарский И. В.* Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетия. Челябинск, 2004.
- Плампер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.
- Публичная политика в современной России: субъекты и институты. М., 2006.
- Публичная политика: от теории к практике. СПб., 2008.
- Симонов В. К.* Политический анализ: учеб. пособие. М., 2002.
- Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР: докл. на Чрезвычайном VIII всесоюз. съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Соч. М., 2007. Т. 14.
- Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР в 1950–1960-е годы. Челябинск, 2012.
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002.
- Черных А. И.* Власть и политика в эпоху медиадемократии. М., 2010.
- Шматко Н.* Феномен публичной политики [Электронный ресурс]. URL: http://sociologos.net/textes/chmatko/politique_publicque.htm (дата обращения: 01.04.2013).

Дата поступления рукописи в редакцию 04.03.2013

PUBLIC POLICY AS AN INTERPRETIVE MODEL OF THE HISTORY OF THE USSR

A.A. Fokin

Chelyabinsk State University, pr. Pobedy, 162b, 454084, Chelyabinsk, Russia
aafokin@yandex.ru

The paper introduces a new interpretative approach to the Soviet period of the Russian history through the application of the idea of public policy. A comparison of theoretical and practical constructions of the Soviet system through the analysis of different concepts of public policy is made. The idea of the authorities and general population's opposition in Soviet Russia is replaced by the idea of mutual cooperation. Some elements of public policy in the Soviet system can be viewed as a version of mobilization strategies.

Totalitarian and revisionist models based on studies of Stalinism fail to work efficiently when they are used to analyze the following stages of Soviet history. The idea of public policy (sphere) can offer a new approach towards the Soviet past. The concept rests upon the idea of significant role of experts' community as an independent actor; the importance of mass media as a mediator establishing communication between the power and the society; and the participation of the society in the political process. From the first years of its existence the Soviet regime announced its democratic nature and the important role of people's involvement in governing the country. Public sphere was not a simulation all the time, even though it was indeed so in many cases. The Soviet regime did not use force and constraint only. So even though coercion played a significant role, the authorities also tried to establish the relationship with the society that would be mutually beneficial for both the regime and people.

Key words: the USSR, public policy, revisionism, totalitarianism, the Soviet system.

References

- Kilpatrick G. D.* Definitions of Public Policy and the Law [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.musc.edu/vawprevention/policy/definition.shtml> (data obrashcheniya: 01.04.2013)
- Pal A. L.* Public Policy Analysis: an Introduction. Toronto. 1992; *Dunn W.* Public Policy Analysis: An Introduction. New Jersey, 2007.
- Kraft E.M., Furlog S. R.* Public Policy: Politics, Analysis, and Alternatives. Washington, 2009.
- Tikhomirov A.* Trust, Distrust or Forced Trust? Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, unpublished paper, presented at the conference «Trust and Distrust in the Soviet Union»: School of Slavonic and East European Studies. University College London, 17–18 February 2012.
- Aleksandrov D. A.* Nemetskie mandariny i uroki sravnitel'noy istorii // *Ringer F.* Zakat nemetskih mandarinov: Akademicheskie soobshchestvo v Germanii, 1890–1933. M., 2008.
- Alekseeva T. A.* «Publichnoe» i «chastnoe»: Gde granitsy «politicheskogo»? // *Filos. nauki.* 2005. №3. Analiticheskie soobshchestva v publichnoy politike: global'nyy fenomen i rossiyskie praktiki. M., 2012.
- Belyaeva N. Yu.* Publichnaya politika i analiticheskie soobshchestva v global'nom mire // *Analiticheskie soobshchestva v publichnoy politike: global'nyy fenomen i rossiyskie praktiki.* M., 2012.
- Belyaeva N. Yu.* Razvitie kontsepta publichnoy politiki: vnimanie dvizhushchim silam i upravlyayushchim sub'ektam // *Polis.* 2011. № 3.
- Dzhaloshinskiy I.* Grazhdanskaya kommunikatsiya i publichnaya politika // *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodeystviya.* M., 2008.
- Kulevin E.* Narodnyy protest v khrushchevskuyu epokhu: Devyat' rasskazov o nepovinoventi v SSSR. M., 2009.
- Kip D., Litvin A.* Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya. M., 2009.
- Kumbs D.* Vvedenie v kontseptsuyu publichnoy politiki v kontekste postkommunisticheskogo tranzita // *Publichnaya politika: ot teorii k praktike.* SPb., 2008.
- Leybovich O. L.* V gorode M: Ocherki sotsial'noy povsednevnosti sovetskoj provintsii. M., 2008.
- Lenin V. I.* Uderzhat li bol'sheviki gosudarstvennyu vlast'? // *Poln. sobr. soch.* 5-e izd. T. 34
- Makarychev A. S.* Suverenitet, vlast' i politicheskaya sub'ektivnost': dve linii kriticheskoy teorii // *Polit. ekspertiza: POLITEKS.* 2010. T. 6, № 4.
- Men'kovskiy V. I.* Istoriya i istoriografiya: Sovetskiy Soyuz 1930-kh godov v trudakh anglo-amerikanskikh istorikov i politologov. Minsk, 2007.
- Mitrokhin N. A.* Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR 1953–1985. M., 2003.

Narskiy I. V. Konstruirovaniye mifa o Grazhdanskoj voyne i osobennosti kollektivnogo zabyvaniya na Urale v 1917–1922 gg. // Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletiya. Chelyabinsk, 2004.

Plamper Ya. Alkhimiya vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve. M., 2010.

Publichnaya politika v sovremennoy Rossii: sub'ekty i instituty. M., 2006.

Publichnaya politika: ot teorii k praktike. SPb., 2008.

Simonov V. K. Politicheskiy analiz: ucheb. posobie. M., 2002.

Stalin I.V. O proekte Konstitutsii Soyuza SSR: dokl. na Chrezvychaynom VIII vsesoyuz. s'ezde Sovetov 25 noyabrya 1936 goda. // Soch. T. 14. M., 2007.

Fokin A.A. «Kommunizm ne za gorami»: obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR v 1950–1960-e gody. Chelyabinsk, 2012.

Kharkhordin O. Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti. SPb.;M., 2002.

Chernykh A. I. Vlasti i politika v epokhu mediademokratii. M., 2010.

Shmatko N. Fenomen publichnoy politiki [Elektronnyy resurs]. URL: http://sociologos.net/textes/chmatko/politique_publique.htm (data obrashcheniya: 01.04.2013).